



Стик Дриод

**Любовь и  
смерть. Истории  
Некрона**

18+

Стик Дриод

**Любовь и смерть.  
Истории Некрона**

«Автор»

2026

## Дриод С.

Любовь и смерть. Истории Некрона / С. Дриод — «Автор», 2026

Некрон мир, где красная луна поднимает мертвецов, в Чумных Топях утопленники тянут руки к путникам, а в Лесу Отчаяния деревья стонут голосами замученных. Писатель Девин путешествует по этому аду, собирая истории. Он не говорит никому, что каждая записанная страница приближает конец света. Год назад он заключил сделку с демоном и теперь пишет Книгу Смерти. На краю болота он встречает Ксяоши. Она живёт одна с котом, не боится ни мертвецов, ни случайных гостей и очень любит рассказывать истории. Этой ночью она расскажет одну. Про любовь, которая не спрашивает, жив ты или мёртв. Про жестокость, от которой стынет кровь. И про выбор, когда двое хотят тебя, а ты не знаешь, кто из них страшнее. «Любовь и смерть. Хроники Некрона» тёмная проза для взрослых, где ужас переплетается с нежностью, а мёртвые любят так, что живым становится страшно.

© Дриод С., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Стик Дриод

## Любовь и смерть. Истории Некрона

### Глава 1

#### Глава 1

Закат над Чумными Топями разлился багровым гноем. Моя лошадь, которую я в шутку назвал Философом, ступала осторожно, выбирая кочки посуше. Болото чавкало, всасывая копыта. Она не могла идти быстрее, а надо было поторапливаться. Ночью на болотах никто не выживал. Где-то в глубине, в коричневой мути, мне причудились лица. Они смотрели с укором, будто я был должен им историю, которую не дописал.

Историю. Смешно.

Я посмотрел в лужу. В ней отразилась небритая, осунувшаяся физиономия. Провёл дрожащей рукой по морщинистому лбу, вытирая грязь.

Философ всхрипнул, попятился. Из трясины, шагах в двадцати от нас, медленно поднялась рука — зелёная, опухшая, с обручальным кольцом на пальце. Помахала нам, будто старому знакомому, и ушла обратно в жижу.

— И тебе здравствовать, — прохрипел я, поправляя воротник.

Начинало темнеть. Туман становился гуще, клубился вокруг ног Философа, пытался схватить, но соскальзывал и обволакивал всё вокруг, превращая коряги в шевелящихся чудовищ. Если я до темноты не найду укрытия, то нас с Философом ждут серьёзные неприятности. Моё сердце разгонялось всё быстрее, пытаюсь обогнать время. Серебряный меч уже покинул своё ложе и занял свой пост в моей ладони, добавляя аргумент нашему здесь присутствию. Сумка с Книгой Смерти неприятно оттягивала плечо. Я давно не писал в неё. Именно поэтому я оказался здесь, преследуемый демонами Неназываемого.

Я тяжело вздохнул, отгоняя тревожные мысли. Тьма постепенно накрывала болото чугунной крышкой. Кто-то взглядом настойчиво сверлил затылок. Казалось, утопленник подкрался сзади, чтобы прыгнуть и вонзить жёлтые, гнилые зубы в мой затылок. Я резко оглянулся — никого. Только корявые деревья, тянущие скрюченные, больные руки к небу.

Вдали, среди колышущихся испарений, я увидел мерцающий огонёк.

Философ остановился.

— Давай, ты чего удумал? Последний рывок, — прошептал я, прищипывая лошадь.

Философ посмотрел на меня меланхолично и сделал ещё один шаг. Потом ещё и ещё. Копыта застревали в вязкой жиже, она засасывала и не желала отпустить. Мощные мускулы перекачивались под кожей лошади. И когда моё сердце уже набрало скорость хорошей гончей...

...в сумерках показался деревянный дом. Кособокий, но по виду тёплый. В окнах мерцал свет — живой, масляный, такой редкий в этом краю вечной гнили.

— Приехали, — сказал я лошади, осматриваясь в поисках опасности. И аккуратно соскользнул с разгорячённого тела. — Здесь мы попросим ночлега. Кто бы тут ни жил — это уже не имеет значения. Придётся рисковать.

Я поднялся на крыльцо и постучал.

Дерево под кулаком отозвалось глухим стуком. Где-то в чаще крикнула ночная птица, и голос её растаял в болотных испарениях, как брошенный камень тонет в трясине.

За дверью послышались шаги. Лёгкие, но уверенные — так ходит тот, кто знает каждый скрип половицы в собственном доме. Щеколда звякнула, и дверь отворилась, выпуская в сырую ночь полоску тёплого, света.

— Привет, путник. — Голос оказался молодым, но в нём уже угадывалась та особенная хрипотца, что появляется у людей, привыкших разговаривать с болотом на равных. — Ты стучишься в мой дом на краю Чумных Топей в такое позднее время. Знаешь, не каждый, кто приходит сюда ночью, уходит обратно живым. Что тебя привело?

В дверях стояла девушка.

Маленького роста, ладная. Мой взгляд, будто сам собой, задержался на груди под грубой тканью платья, скользнул по крутому изгибу бедра и замер, упершись в её глаза. Она перехватила этот взгляд — быстрый, голодный, мужской — и уголок её губ дрогнул. В свете лампы из-за спины кожа на её скулах казалась согретой изнутри, обещающей тепло там, где мои пальцы давно заковенели.

Глаза смотрели цепко. У меня засосало под ложечкой — так бывает, когда с обрыва смотришь в чёрную воду и не знаешь, есть ли там дно. В этих глазах плескалось что-то древнее. И в тот же миг я ощутил, как предательски намок воротник рубахи, от одной только мысли, что эта плоть — живая, округлая, земная — стоит в шаге от меня в этом царстве гнили.

Я машинально потянулся поправить волосы — жест давний, ненужный, оставшийся с тех времён, когда в бороде ещё не серебрилась седина, а женщины задерживали на мне взгляд чуть дольше приличий. Пальцы коснулись виска, нащупали пепельную прядь и замерли. Я неловко опустил руку.

Она стояла в дверях — вся здесь, сейчас, плечо прижато к косяку, дыхание сбито после сна, тёплая щека ещё хранит складку от подушки. Молодая. Колючая. Как куст шиповника на выжженной земле.

Я, Девин, скиталец, чьи виски тронуты пеплом, а душа — тьмой, вдруг остро, до ломоты в суставах ощутил свой возраст. Для неё я — старик. Прохожий, который переночует и уйдёт в туман, растворится в историях.

Я отвёл глаза первым. В груди что-то сжалось — не больно, а пусто. Поясницу вдруг заломило от долгого пути, напоминая о теле, которое уже не гнётся так послушно, как раньше. Я — прохожий. Переночую и уйду в туман.

— Меня зовут Девин, — голос мой сел, пришлось откашляться, прогонять болотную хрипоту. — Можно у тебя переночевать за небольшую плату?

Девушка смотрела на меня без тени страха. Люди в Некроне вообще не боятся. Боятся здесь только дураки, а дураки, как известно, долго не живут.

— Девин, понятно. — Она усмехнулась уголком губ, и в этой усмешке мелькнуло что-то озорное, почти детское, но тут же спряталось за маской болотной отшельницы. — За серебряный, приючу— Место найду, только...

Она сделала паузу, глянув куда-то в темноту за моей спиной, туда, где в трясине вздыхали утопленники.

— ...только не вставай ночью на голос из окна. Это утопленники из топи зовут. Отзовёшься — выйдешь к ним. Навсегда.

Девушка отступила в сторону, пропуская меня внутрь.

— Проходи.

Я шагнул через порог, и дверь за моей спиной закрылась с тихим, уютным стуком, отсекая вой болота и шепот мёртвых. В нос ударил запах сушёных трав, старого дерева и ещё чего-то живого, тёплого, что так редко встречается в Некроне.

Дом внутри оказался больше, чем казался снаружи. Одна комната, но ладно скроенная. Печь занимала добрую треть пространства — она дышала жаром, как живое существо, и в её нутре уютно потрескивали дрова. Вдоль стен — лавки, застеленные домоткаными половиками. На полках — глиняные горшки, пузырьки с тёмными жидкостями, связки лука и чеснока. В углу — добротный деревянный стол, заваленный какими-то тряпками и книгой в потёртом переплёте. Над столом — масляная лампа, та самая, чей свет я видел из топи. Она горела ровно, не коптила, отбрасывая на стены пляшущие тени.

И кот.

Огромный, пушистый, с наглой мордой и глазами, в которых читалось: "Я здесь главный, человек, ты просто гость". Он восседал на лавке с таким видом, будто только что рассказал анекдот и теперь ждал реакции.

— Бульбот, брысь, — бросила девушка не глядя, скидывая с лавки котомку, чтобы освободить мне место.

Кот даже ухом не повёл. Только глянул на меня с лёгким презрением и принялся вылизывать лапу.

Я опустил на лавку, разминая затёкшие от долгой верховой езды ноги, и позволил себе наконец рассмотреть хозяйку уже при свете, без помех.

— Спасибо, — выдохнул я хрипло. — За кров и... за предупреждение. Голоса из окна — учту. Не встану, даже если сам Владыка Тьмы позовёт.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Кот всё ещё буравил меня взглядом, будто ждал, когда я начну рассказывать. Или когда спрошу что-то неправильное.

— Ты удивительная, — вырвалось у меня невольно. Я сказал это вслух? Нет показалось. — Такая молодая... и такая... здесь. Одна. На краю Топей. — Я запнулся, подбирая слова. — В моём возрасте уже привыкаешь, что мир — это мрак и гниль. А в твоём... обычно ещё верят в лучшее.

Я усмехнулся, глядя на неё. Усмешка вышла горьковатой, с налётом той самой усталости, что поселилась в моих глазах.

— Или в Некроне уже не верят ни во что, кроме завтрашнего утра? - Ты живешь здесь одна? Ты так просто меня впустила. Не боишься?

Ксяоши хлопотала у печи, ловкая и быстрая, будто делала это всю жизнь. Впрочем, она её и делала — всю свою девятнадцатилетнюю жизнь здесь, на краю Чумных Топей.

— Чего мне бояться? — ответила она на вопрос. — В Некроне любой путник может стать мертвецом раньше, чем я успею испугаться. Да и если ты решишь меня прирезать ночью — не забывай, что под половиком у меня спит Бульбот, а его когти острее охотничьего ножа.

Она поставила на стол тарелку с дымящейся картошкой и кувшин с молоком.

— Сейчас я тебя покормлю.

Я молча ел. Голод давал о себе знать — последний раз я ел ещё утром на Рандорском рынке, и с тех пор во рту маковой росинки не было. Ксяоши села рядом, достала из корзины рубашку и принялась зашивать, но я видел краем глаза, как она то и дело поглядывает на меня. Изучает. Оценивает.

...Я отставил пустую тарелку и вытер губы тыльной стороной ладони. В животе приятно потеплело от горячей картошки и молока, но спину вдруг продрал ледяной озноб. Он шёл не изнутри, как бывает при лихорадке, а снаружи — от окна, за которым сгущалась болотная тьма.

Сумка на лавке рядом со мной едва заметно шевельнулась. Сама.

Я замер. Ксяоши в этот момент отвернулась к печи, подбрасывая дрова, и не видела, как кожаный бок сумки вспучился, будто там, внутри, ворочалось нечто живое и нетерпеливое. Книга Смерти напоминала о себе. Она всегда так делала, когда демоны Неназываемого подбирались слишком близко.

Я осторожно положил ладонь на сумку, и сквозь толстую кожу почувствовал вибрацию — низкую, утробную, как гудение шмеля, запертого в банке. Только этот шмель был размером

с доброго пса и жаждал не нектара, а человеческой крови. Моей крови. Или крови любого, кто окажется рядом, когда терпение Неназываемого лопнет.

Они почти здесь, — пронеслось в голове. — Почти догнали. Если я не напишу новую страницу до того, как мы ляжем спать, они придут за нами обоими. Этот дом, эта девушка, этот наглый кот — всё обратится в пепел и гниль. Потому что такова плата за молчание.

Я бросил быстрый взгляд в окно. За мутным стеклом, в клубящемся тумане Чумных Топей, мне почудилось движение. Сначала я списал это на игру света от лампы, но потом увидел их. В глубине болота, шагах в тридцати от дома, стояли три тёмных силуэта. Высокие, неестественно вытянутые, с конечностями, изогнутыми под неправильными углами. Они ждали. И смотрели. Я кожей чувствовал их взгляды — голодные, терпеливые, как у пауков, что караулят муху в паутине.

Ксяоши не видела того, что видел я. Для неё за окном была просто ночь, просто болото, просто обычный вечер в Некроне.

А я видел, как один из силуэтов поднял руку — длинную, с неестественно гибкими пальцами — и медленно провёл когтями по стеклу с той стороны. Звука не было, только моё изображение дорисовало отвратительный скрежет.

— Ты чего побледнел? — спросила Ксяоши, не поднимая глаз от рубашки. — Картошка не пошла?

— Всё хорошо, — соврал я, и голос предательски дрогнул. — Просто... дай мне минуту. Мысль в голову пришла, нужно записать, пока не забыл.

Я расстегнул сумку. Пальцы коснулись переплёта, и по руке пробежал электрический разряд — Книга узнала хозяина. Или, вернее, узнала своего пленника. Я вытащил её на свет. Толстая, в переплёте цвета запёкшейся крови, с металлическими уголками, что тускло блестя в свете лампы. Ксяоши на мгновение отвлеклась от шитья, глянула на Книгу с любопытством, но ничего не сказала — только бровь приподняла.

Я раскрыл её посередине.

Страницы были чистыми. Девственно-белыми. Они ждали. И пока они были пусты, демоны за окном стояли на месте. Но я знал: стоит мне закрыть Книгу, не оставив в ней ни строчки, и они шагнут вперёд. Пробьют окно. Выломают дверь. И тогда даже серебряный меч, что сейчас лежит у меня в ножнах, не спасёт.

Я обмакнул перо в чернильницу и занёс его над первой строкой. Книга едва заметно запульсировала под ладонью, будто живое сердце. Она жаждала истории. Любой истории. Чужой боли, чужой радости, чужой жизни — всего, что можно превратить в чернила и буквы, чтобы накормить ненасытную бездну, что ждала за гранью этого мира.

Пиши, — шепнула Книга голосом, что звучал не в ушах, а прямо в костях черепа. — Пиши, или я заберу вас обоих.

Я глубоко вздохнул, прогоняя дрожь из пальцев, и поднял глаза на Ксяоши. Она сидела, поджав под себя ноги, и смотрела на меня с тем самым выражением — смесью детского любопытства и болотной мудрости.

— Я писатель, — сказал я, и на этот раз голос прозвучал ровно. — Езжу по Некрону и собираю истории. Не хочешь рассказать что-нибудь? Любую историю. Хоть быль, хоть небыль. Я всё запишу.

Ксяоши отложила шитьё. Глаза её вспыхнули.

— Очень люблю рассказывать истории, — ответила она с той самой ноткой, с какой обычно говорят: «Садись поближе, я тебе такое расскажу — ночью спать не будешь».

Я улыбнулся, чувствуя, как Книга под моей ладонью замерла в предвкушении. Демоны за окном отступили на шаг. Пока я пишу — они ждут. Пока льются чернила — я жив. И Ксяоши жива. И весь этот проклятый, гнилой, прекрасный Некрон живёт вместе с нами.

— Тогда слушай, — сказала она, устраиваясь поудобнее. — Я расскажу тебе историю, что случилась пару лет назад с дочкой старосты из Малиновки. Её звали Мира...

Перо коснулось бумаги, и Книга Смерти жадно впитала первую букву.

За окном, в клубящемся тумане Чумных Топей, три тёмных силуэта медленно опустились на колени и замерли в ожидании. Неназываемый дал отсрочку. До тех пор, пока не будет дописана последняя строка. Или пока я не решу, что чья-то история важнее моей собственной жизни.

Её звали Мира. Она тайком встречалась с охотником Егором — каждую ночь они убегали на старый сеновал за деревней, подальше от глаз.

Ксяоши говорила, и я видел эту Миру — словно стояла она передо мной, живая, тёплая, пахнущая деревенским воздухом и страхом перед будущим.

— Она была невысокая, с русыми косами, что спускались ниже талии, и щеки всегда румяные от деревенского воздуха. Носила простые холщовые рубашки, что облегли её крутые бёдра, и всегда подвязывала пояс тонкий, чтобы подчеркнуть талию. У неё были большие серые глаза, которые всегда казались немного испуганными, как у оленихи, и когда она смущалась, опускала взгляд и кусала нижнюю губу — от этого Егор просто с ума сходил.

Она была тихая, почти не говорила при людях, но когда оставалась с кем-то одним, становилась совсем другой — горячая, отзывчивая, каждое прикосновение отдавалось дрожью по всему телу. Она никогда не знала мужчину до Егора. Она всегда мечтала уехать из Малиновки, чтобы жить где-то далеко, где никто не знает её имени, не будет учить её жить. Но отец хотел выдать её замуж за сына кузнеца, старого и жирного, что уже трёх жён похоронил. Вот поэтому она и сбежала на сеновал — к Егору. Она не была плохой, просто она устала от того, что все решают за неё.

— А Егор? — спросил я, чувствуя, что история только начинается.

— Егор был высокий, широкоплечий, с коротко стриженными тёмными волосами и шрамом через всю левую щёку — получил от волка, когда тот напал на него в первую охоту. Он всегда ходил в кожаной куртке, пропахшей дымом и звериной кровью, на поясе всегда носил большой охотничий нож с ручкой из кости оленя. Руки у него были грубые, мозолистые, но когда он касался Миры, старался быть мягким, хотя не всегда получалось.

Он был молчаливый, упрямый, всю жизнь прожил один в маленькой избушке на краю деревни — родители его умерли от чумы, когда он был ещё мальчишкой. Все в деревне боялись его, говорили, что он продал душу оборотням, потому что он один ходит в Лес Отчаяния и всегда возвращается с добычей. Но с Мирой он был совсем другой: приносил ей лесные ягоды, вырезал деревянных кукол, никогда не повышал голос. Он действительно любил её, хотел забрать из деревни и жениться.

Ксяоши помолчала, глядя на огонь, и продолжила:

— Одним вечером она пришла на сеновал раньше обычного. Ждала его, трогала тёплую шкуру на лавке, а сердце колотилось как бешеное. Егор всегда приходил с дичью, приносил ей сладкие пряники, что покупал на Рандорском рынке. Его руки всегда пахли полыньёю и кровью, когда он обнимал её за талию, в тонкой деревенской рубашке, что просвечивала на лунном свете. Мира всегда смеялась, когда его щетина царапала шею, прижималась к нему ближе, чувствовала, как тепло разливается по телу.

В тот вечер он не пришёл вовремя. Она уже хотела уходить, как услышала шорох за спиной. Подумала — это он, обернулась с улыбкой. А это был не Егор. Это был старый мельник, что утонул в реке лет десять назад. Кожа свисала клочьями, из дыры на груди текла тёмная болотная вода. Он протянул к ней руку — пальцы синие, холодные как лёд. Мира хотела кричать, но он прижал её к себе, и она почувствовала этот холод, что проникал сквозь рубашку, морозил кожу. Но что-то ещё было странное в этом прикосновении. Он не укусил, не убил сразу. Он прошептал ей на ухо голосом, похожим на бурление воды в горле: «Ты так похожа на мою невесту, что покончила собой. Ждала она меня тоже на сеновале».

Мира от страха не могла пошевелиться, а он водил холодной рукой по её бедру, и шептал: «Дай мне один разок. Один разок — и я не трону тебя больше». И она почему-то не смогла отказать. Может, от страха, может, оттого, что Егор давно не приходил, а ей так не хватало прикосновений.

Ксяоши говорила, и я чувствовал, как мороз бежит по коже. Но отложить перо не мог.

После той ночи она приходила к нему каждый вечер. Пряталась от всех, а сама бежала на сеновал, к упырю. Его прикосновения были ледяными, но с каждым разом она всё больше хотела их. И постепенно узнала его историю.

Ксяоши перевела дух. В комнате было тихо, только потрескивали дрова.

— Мельника звали Степан. Лет двадцать назад он только построил мельницу на реке у Малиновки и привёз из Дальней Серовки невесту — Алену, рыжую, с зелёными глазами, как болотная вода в солнечный день. Они любили друг друга без памяти, свадьбу уже назначили, Алена шила платье. Но староста деревни хотел взять Алену в жёны своему сыну. Когда Степан ушёл в город за мукой, староста пригрозил Алене: если не выйдет за его сына, убьёт Степана.

Алена не поверила, выгнала его. Тогда ночью староста подкупил двух парней, они подожгли мельницу, а когда Степан вернулся тушить пожар, схватили, связали и утопили в омуте под мельницей. Алену заперли в сарае, хотели заставить выйти за старостина сына. Но Алена не сдалась — взяла нож и зарезала себя в ту же ночь, чтобы никому не достаться.

Через неделю мельницу отстроили, но вода в омуте почернела, и по ночам из реки стали слышны стоны. Местные поняли: Степан не упокоился. Каждый вечер выходил из воды, бродил по берегу, искал Алену. Он знал, что она мертва, но не мог уйти в мир иной, пока не найдёт хоть какую-то её частичку. Поэтому когда увидел Миру, так похожую на Алену — тем же разрезом глаз, той же робостью в движениях — он решил, что это её новая жизнь, что она вернулась. Он не хотел зла, просто слишком долго был один в холодной воде, слишком сильно скучал по живому теплу, по любви.

Я слушал, затаив дыхание. Ксяоши продолжала:

— Мира говорила себе, что это отчаяние, что она сошла с ума, но на следующую ночь ноги сами привели её обратно. Мельник ждал, лежал на сене, глаза светились тускло-жёлтым, как болотные огни. Он не торопился. Расстегнул ей все пуговицы на рубашке, целовал ключицу холодными губами, и она чувствовала, как внутри всё скручивается от этой странной смеси ужаса и удовольствия. Она боялась даже подумать, что скажут в деревне, если узнают, но каждый раз, когда он касался её, все мысли исчезали, оставался только холод и дрожь.

С той поры она вообще расцвела — только побледнела, под глазами легли синие круги, от неё всегда пахло болотной тиной и чем-то диким, что привлекало внимание, даже когда она стояла в толпе.

А через неделю вернулся Егор — он попал в буран в горах, еле выжил. Узнал, что Мира каждую ночь бежит к утопленнику, и сначала не поверил. Пошёл на сеновал, кулаки сжал так, что ногти врезались в ладони, сердце колотилось от ярости и ужаса. Не мог представить, что его Мира спит с разложившейся тварью.

Когда он откинул дверь и увидел их — мельник лежал, обнимая Миру за талию, а она даже не пыталась спрятаться — у Егора всё внутри перевернулось. Сначала слепая ярость, хотел разрубить упыря, затоптать в сено. Не мог понять, что сделал не так, почему она выбрала не его.

На сеновале висел запах — болотная тина и женский пот. Егор закричал на Миру, а она молчала, потому что не могла объяснить, что её тянет к Степану сильнее, чем когда-либо тянуло к Егору.

Два мужчины на сеновале: один живой, тёплый, пахнет полыньёю, другой упырь, холодный, пахнет тиной. Егор вытащил нож, кричит: «Ты с упырем связалась?» А мельник усмехнулся: «Она сама пришла. Ей больше нравится, как я касаюсь». Мира стояла между ними, кровь стучала в висках, и она не знала, кого выбрать. Потом вдруг сказала Егору: «Уходи. Он любит меня больше, чем ты когда-либо любил».

Когда она это сказала, ярость Егора сменилась холодным отчаянием. Он стоял и смотрел на неё, не веря. Столько раз рисковал жизнью, приносил лучшую дичь, копил на свадьбу — а

она выбрала упыря. Горло сжималось от злобы и горя, слова не шли. Он бросился на мельника, думая только об одном: забрать Миру, убить тварь, что украла его женщину.

Мельник схватил его за руку — и на глазах у Миры рука Егора начала синеть, покрываться тиной, неметь. Егор кричал, а мельник тянул его к себе, шептал: «Хочешь забрать её? Стань таким же, как я». Мира отшатнулась к стене, смотрела, как Егор перестаёт кричать, глаза стекленеют, и он становится таким же упырем, как мельник.

Когда холод пополз по руке, замораживая кровь, Егор почувствовал настоящий ужас. Понял, что не вырвется, что сейчас станет упырем. Кричал, смотрел на Миру, звал на помощь, просил оттащить мельника, а она просто стояла и смотрела пустыми глазами. В тот миг он возненавидел её сильнее, чем мельника — за предательство, за то, что променяла его живого на холодного мертвеца. Потом холод дошёл до сердца, и все чувства пропали. Осталась только тихая злоба, что осталась с ним и после смерти.

Мельник повернулся к Мире, улыбнулся дырявым ртом: «Теперь он никогда не уйдёт от нас. Пойдём, ты же хотела, чтобы нас было трое?»

Их стало трое. После того как Егор превратился, они вдвоём прижали Миру между собой — один холодный, другой уже остывающий, но всё ещё пахнущий полынью. Она была между двумя телами, и один целовал шею слева, другой справа, холодные пальцы гладили тело, и она не знала, что это — страх или от острое, до боли приятное удовольствие. До рассвета они были там, а когда солнце встало, Мира ни о чём не жалела.

Ксяоши замолчала. Я смотрел на исписанные страницы, чувствуя, как гудит голова.

— Говорят, она до сих пор там живёт, с ними двумя, — тихо добавила она. — Иногда приходит в деревню, покупает хлеб и сладкие пряники, а потом возвращается, к своим любовникам. И она счастлива. Упыри не требуют от неё ничего — не заставляют готовить, рожать детей, слушать отцовские нравоучения. Они просто хотят её, и она чувствует себя желанной впервые в жизни. Даже если это стоило ей всей жизни.

— А Егор? — спросил я.

— А Егор до сих пор чаще всего прикасается к ней молча, смотрит остекленевшими глазами — всё ещё не может простить. Этот вопрос грызёт его даже после перевоплощения.

Я отложил перо. Некоторое время мы сидели молча. Бульбот, успевший уснуть у меня на коленях, вдруг дёрнул ухом, но глаз не открыл. За окном завыл ветер, и мне почудилось, что в этом вое слышны голоса — мужской, женский, и третий, не пойми чей. Или просто показалось. В Некроне всегда так: не знаешь, где явь, а где уже история, которую кто-то рассказывает.

— Спасибо, — сказал я наконец. — Это сильная история.

Ксяоши улыбнулась той самой улыбкой, в которой смешалось всё — и детство, и мудрость, и тьма.

— Рада, что тебе понравилось, — ответила она. — А теперь поздно уже.

Она кивнула на печку:

— Ложись там. Я на лавке устроюсь, мне не привыкать. Бульбот будет между нами — если что, заорёт так, что мёртвые проснутся. Хотя они и так не спят.

Я хотел возразить, сказать, что неудобно стеснять хозяйку, но она лишь махнула рукой:

— Не спорь. В Некроне отказываться — последнее дело. Завтра ещё расскажу, если захочешь. У меня их много.

Она достала из сундука ещё одно одеяло, бросила мне. Бульбот лениво перебрался с моих колен на середину лавки, улёгся, демонстративно закрыв глаза всем своим видом показывая: "Я здесь главный, вы двое — по краям".

Я снял плащ, разулся, забрался на печку. Деревяшки привычно скрипнули, принимая моё тело. Ксяоши погасила лампу, оставив только отсветы от углей в печи. В темноте комната стала другой — больше, таинственнее, полной теней, что плясали на стенах.

— Спокойной ночи, писатель, — донёсся из темноты её голос. — И помни: если ночью кто-то позовёт из окна — не отзывайся. Даже если покажется, что это я.

— А если Бульбот позовёт? — спросил я в шутку.

— Бульбот не зовёт. Бульбот орёт. Спросонья не перепутаешь.

Я усмехнулся, устраиваясь поудобнее. Где-то далеко, со стороны Леса Отчаяния, донёсся протяжный стон. Болото вздыхало, чмокало, переваривало очередного глупца, что не послушал предупреждений.

— Ксяоши, — позвал я тихо.

— М?

— А та история... про Миру, Егора и мельника... она правда была?

В темноте повисла пауза. Такая долгая, что я уже решил — не ответит.

— В Некроне, — сказала она наконец, — правда и ложь — как болотная вода и небо в ней. Не поймёшь, где одно, где другое, пока не нырнёшь с головой. Спи давай.

Я лежал уставившись в потолок и думал о том дне, когда всё началось.

Пять лет назад. Трактир "Весёлый Марис".

Кровать была злая. Доски давили на бока, пытаясь вогнать в тело занозу поглубже. Я не мог сопротивляться этой пытке, потому что уже несколько дней моё многострадальное тело то обжигал жар, то пробирал ледяной озноб. Сознание заволочло мутной пеленой. И если не случится чуда, то в скором времени я уже буду плыть на лодке Каина по чёрным водам Лираны — прямиком в глотку вечно голодной бездны.

Я тогда взмолился. Губы спеклись, но я вытолкнул из себя эти слова, цепляясь за них, как за последнюю соломинку:

— Я не хочу умирать... Если есть тот, кто может мне помочь, — хоть дьявол, хоть бог, хоть сам Хаос, — помоги мне. Не дай мне умереть. Я на всё готов. Только дай мне ещё немного жизни.

Передо мной разверзлась пропасть. В комнате пахло сырой землёй и гнилью. Из черноты полезли чудовища — ободранная плоть висела клочьями на их телах, а в пустых глазницах читалась лишь жажда, которую невозможно утолить. Им нужно было выпить чью-то жизнь. А потом появился Он — Неназываемый. Он встал возле моего полумёртвого тела, положил когтистую руку мне на плечо; клубы тьмы сопровождали каждое его движение, окутывая меня удушливым саваном.

— Девин, — прорычал он прямо у меня в черепе, и от этого голоса захотелось разодрать себе голову, лишь бы он замолчал. — Ты напишешь мне Книгу. Она позволит Мне и моей великой армии ступить в мир людей. И тогда Некрон изменится раз и навсегда.

Он сделал паузу. Я не мог пошевелиться; горло перехватила судорога, и вместо слов наружу вырвался лишь сиплый, невнятный стон.

Демон истолковал его по-своему.

— Книга сама тебе подскажет, что писать, — продолжил он. — Взамен ты получишь отсрочку. Сможешь ещё пожить. Но помни: когда будет дописана последняя страница, ты умрёшь.

Он исчез так же мгновенно, как и появился. Чудовища, корчившиеся у края бездны, растворились в воздухе, оставив после себя лишь запах палёной шерсти. Я провалился в беспамятство.

Очнулся я снова от этой проклятой доски. Она всё-таки изловчилась и всадила занозу мне в бок. Я резко сел на кровати, поморщился, потянулся, вытаскивая щепку. И замер.

Как же легко дышится! Солнце ярко светило сквозь мутное стекло, за окном галдели торговцы. Жизнь кипела. Надо будет поблагодарить хозяйку корчмы: терпела больного постояльца несколько дней, поила какими-то горькими отварами. Другие бы и на порог не пустили. Хотя пара золотых монет, оставленных на виду, делает чудеса с человеческим милосердием. Ну да ладно, все мы любим деньги.

Мой взгляд скользнул по грубой тумбочке, и я застыл.

Душу придавило надгробной плитой. В висках зашумело. Я просидел неподвижно несколько минут, боясь моргнуть. Лихорадка прошла, сознание было кристально ясным.

Это был не бред.

На тумбочке лежала Книга. Толстый кожаный переплёт, тёмный, как запёкшаяся кровь, и чистые, девственно-белые страницы. Она ждала.

Я прогнал воспоминание и снова оказался в доме на болоте. По потолку полз паучек.

Я закрыл глаза. Бульбот заурчал, перекрывая своим мурлыканьем все ночные звуки. Где-то там, в Малиновке, на старом сеновале, двое упырей любили живую женщину. А здесь, на краю Чумных Топей, в маленьком деревянном доме, засыпал писатель, чья книга могла погубить весь этот мир.

Но до утра было ещё далеко.

И Книга Смерти терпеливо ждала новых страниц.

## Глава 2

### Глава вторая. Утро в Чумных Топях

Ночь прошла спокойно. Настолько спокойно, что я даже испугался: болота не кричали, утопленники не звали из окон, а Бульбот, устроившийся между мной и хозяйкой, проспал без единого звука до первых серых отсветов за окном. Или мне только показалось, что я слышал его мурлыканье — такое глубокое, что оно стало фоном, частью тишины.

Я проснулся от запаха дыма и трав. На печи было тепло, и я не сразу понял, где нахожусь. А когда понял — сердце сделало лишний удар.

Ксяоши стояла у очага, спиной ко мне. На ней была та же холщовая рубашка, что и вчера, но теперь волосы распущены — тёмная волна падала на плечи, прикрывая острые лопатки. Она двигалась легко, почти бесшумно, помешивая что-то в котелке, и я поймал себя на том, что смотрю на неё не отрываясь.

Сколько ей? Девятнадцать. Я спросил себя вчера и сегодня повторил этот вопрос, словно надеясь, что возраст изменится. Не изменился.

Она обернулась, и я успел отвести взгляд, притворившись, что разминаю шею.

— Привет, Девин. Ночь прошла спокойно? В Чумных Топях сегодня болота особенно тихие — это всегда плохой знак.

Голос у неё был утренний, чуть хриловатый, без той нарочитой бойкости, что появлялась к вечеру. И от этой хрипотцы у меня заныло под ложечкой — глупо, по-мальчишески, как не бывало со мной уже лет двадцать.

— Спокойно, — ответил я, спускаясь с печи и стараясь не глядеть на её фигуру, обрисованную свободной рубашкой. Не глядеть не получалось. — Даже слишком. Я уж думал, что меня ночью украли.

— Украли бы — разбудили, — усмехнулась она, не оборачиваясь. — Садись к столу, сейчас будет завтрак.

Я сел на лавку, чувствуя, как ноет спина после жёсткого ночлега. Бульбот уже занял своё место на другой лавке и смотрел на меня с видом глубокого превосходства. Или презрения. Я так и не научился различать эти кошачьи оттенки.

Ксяоши поставила передо мной миску с дымящейся похлёбкой и кусок ржаного хлеба.

— Правда, в похлебке плавают пара лягушачьих лапок, но это только придает вкус.

Я посмотрел в миску. Жидкость была мутной, травянистой, и на поверхности действительно плавали тонкие лапки, похожие на миниатюрные человеческие руки.

— Если я отравлюсь, кто будет слушать твои истории? — спросил я, но ложку взял.

— Не волнуйся, я сама её ела уже три дня — до сих пор жива.

Она села напротив, поджав под себя ноги, и принялась зашивать ту самую рубашку, что лежала вчера в корзине. Я ел, стараясь не морщиться от вкуса болотной травы, и украдкой разглядывал её.

Она была красивой. Именно той красотой, что привлекает внимание всех, кто оказывается рядом. Большие глаза, маленький аккуратный нос, пухлые губы бантиком — её лицо было прекрасно, я смотрел на неё и не мог оторваться.

Она перекусила нитку зубами, подняла глаза и поймала мой взгляд.

— Что смотришь? — спросила без тени смущения. — Хлеб не нравится?

— Хлеб хороший, — солгал я. — Просто задумался.

— О чём?

— О том, как ты здесь живёшь одна.

Она усмехнулась — той усмешкой, в которой смешались насмешка и какая-то тёплая снисходительность, как у взрослой с несмышлёным ребёнком.

— Привыкла уже. Кот-Бульбот вчера поймал большую жабу, так что ужин у нас был королевский. Варга иногда приходит с бутылкой самогона и рассказывает анекдоты про зомби — не скучно. Да и мало кто сюда добирается, не любят чужаки эти болота, что мне только на руку.

Она говорила, а я слушал и думал: «Девятнадцать. Она могла бы быть моей дочерью. Нет, в двадцать лет у меня уже были женщины, но в те годы я смотрел на таких, как она, снизу вверх, и они казались мне старше, опытнее. А теперь я — старик. Старик, который сидит в её доме, ест её похлёбку и пялится на неё, как мальчишка».

Мне стало стыдно. Я опустил глаза в миску и доел молча.

— Как ты добываешь себе на жизнь? — спросил я, чтобы отвлечься.

— Разное бывает, — пожала она плечами. — Собираю травы. Иногда путники заблудятся — я их прячу от оборотней за плату. Иногда нахожу всякое на утопленниках, что выкидывают болота, продаю потом на Рынке Рандор. А иногда Варга платит мне за то, что я помогаю ему раскапывать свежие могилы для его опытов. В Некроне все зарабатывают как могут, правда?

— Но этого мало, — заметил я.

— На безрыбье и рак рыба, — ответила она с той лёгкостью, которая казалась мне либо наигранной, либо настоящей — я так и не понял. — Хоть и опасно здесь, но и налоги никто не платит, и не нужно прятаться от Ордена Мёртвой Луны. Лучше жить небогато, но свободно, чем быть чьей-то едой для вампира или жертвой на алтаре у колдунов. Не так ли?

В её словах была правда. Та самая горькая, выстраданная правда, которую я сам повторял себе в дни, когда казалось, что жизнь кончена.

— В твоих словах есть своя правда, — кивнул я.

— Конечно есть, — она улыбнулась, и в уголках её губ заплясали те самые чёртики, которые я заметил ещё вчера. — Ты вот сам писатель, колесишь по Некрону, собираешь чужие истории. Наверное, тоже знаешь, что в этом мире главное — просто протянуть ещё один день.

Она встала, потянулась — так, что рубашка натянулась на груди, и я снова отвёл глаза, сделав вид, что разглядываю бутылку на полке.

— Хочешь выпить самогона? У меня ещё осталась бутылка с прошлого визита Варги.

— Нет, спасибо, я не пью, — ответил я слишком быстро.

— Как знаешь, — она пожала плечами, и мне показалось, что в её голосе мелькнуло разочарование. Или мне просто показалось.

Она убрала посуду, и мы вышли на крыльцо. Утро было серым, болотным, с низкими тучами, которые стелились по земле, как дым. Ксяюши присела на ступеньку, и я сел рядом, оставив между нами расстояние, которое, как мне казалось, должно было выглядеть прилично.

— Что сегодня собираешься делать? — спросил я, чувствуя, как близость её тела — плечо, бедро, рука — заставляет сердце биться чаще. Она пахла дымом, мятой и ещё чем-то сладким, неуловимым.

— Пойду к Рынку Рандор, надо продать старый медальон, что вытащили из болота. А после заскочу в Карловку, старуха Марта обещала мне дать банку мёда за то, что я выгнала из её подвала мертвого зятя. Вечером жду Варга — обещал принести новую книгу заклинаний, хочу посмотреть, как там оживить небольшого зомби, чтобы он помогал мне носить дрова. Дел хватает, не буду сидеть без дела.

— Можно я пойду с тобой? — спросил я, и голос мой прозвучал слишком поспешно, слишком умоляюще.

Она глянула на меня с удивлением, но быстро взяла себя в руки.

— Почему нет? Только предупреждаю сразу — дорога через Лес Отчаяния идёт, деревья там иногда стонут и зовут по имени, не вздумай отзываться, понял? И если встретим кого из Ордена Мёртвой Луны, я тебе не помогала, ты сам ко мне прибился. Согласен?

— Согласен.

Мы двинулись в путь. Ксяюши шла впереди, легко перепрыгивая через корни, и я не мог оторвать взгляда от её спины, от того, как двигались её бедра под юбкой, как волосы падали на плечи.

«Ты старый дурак», — сказал я себе. — «Она для тебя — девчонка. Она смотрит на тебя как на прохожего, который переночует и уйдёт».

Замечала ли она, как я на неё смотрю? Мне казалось, что да. Но, может быть, мне просто хотелось, чтобы замечала. А она шла впереди, легкая, как тень, и не оборачивалась. Или делала вид, что не оборачивается.

Пару раз она оглядывалась, чтобы сказать, куда ставить ногу, и я ловил её взгляд — быстрый, скользкий, непонятный. В нём не было того, чего я боялся (брезгливости, жалости), но не было и того, чего я хотел. Или я просто не умел читать женские взгляды — после всех этих лет, после всех историй, что я записал, я так и не научился самому главному.

— Давай расскажи дальше, — сказал я, чтобы нарушить тишину.

Она обернулась, и в глазах её мелькнуло недоумение.

— Давай, я слушаю, — ответила она после паузы. — Ты же путешествуешь по Некрону, наверное видал много интересного в своих странствиях — поинтереснее моих болотных баек. Рассказывай, что у тебя на душе.

— Я думал ты расскажешь что-нибудь, — сказал я.

— Ну хорошо, слушай, — она усмехнулась. — Года два назад я вот так же шла здесь по этой тропе, слышу — кто-то плачет за деревом. Смотрю, а там девчонка молодая, ногу сломала, заблудилась. Говорит, что сбежала от графа Вальдемара, он хотел её забрать к себе в замок для каких-то своих грязных дел. Я помогла ей перевязать ногу, хотела вывести к деревне. А ночью, когда мы спали под деревом, она меня пыталась перерезать горло ножом. Оказалось, что она уже давно стала служанкой вампира, заманивала путников в ловушку. Я её опередила, конечно. Теперь её кости где-то тут под кустом и лежат. Вот так, всегда нужно смотреть по сторонам, даже если кажется, что перед тобой беззащитная девчонка.

— Ну да, — усмехнулся я. — Я иду сейчас тоже с беззащитной девчонкой рядом.

— Ой ли? — она обернулась, и в глазах её зажглись озорные искры. — Не забывай, что в Некроне никто не бывает беззащитным. Я могу и нож под подкладкой прятать, и ядовитую иглу в рукаве держать. Так что лучше не пробуй меня проверять, дорогуша. А то закончишь как та вампирская прислужница — под кустом с перерезанным горлом.

Я засмеялся. Впервые за долгое время — искренне, легко, без горечи.

— Не бойся, я не проверяю. Просто думаю...

— О чём?

Я помолчал. Слова вертелись на языке, и я решился. Мне нужно было понять, как она отреагирует.

— Был бы я помоложе, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно небрежнее. Но сердце колотилось где-то в горле, и я не мог оторвать от неё взгляда, ловя каждое движение её лица.

Она замерла на мгновение, потом рассмеялась — звонко, как девчонка, какой она и была.

— Ха, не прибедряйся! Ты же писатель, а не какой-нибудь дряхлый старик. И ходишь ещё, и дышишь, и истории собираешь. Значит, силы есть.

Она отвернулась и пошла дальше, а я остался стоять, чувствуя, как в груди пульсирует неясное. Она или не поняла, или притворилась, что не поняла. Второе было хуже. Потому что значило, что она всё понимает и молчит, чтобы не ранить. Или чтобы не дать мне надежды.

Мы шли дальше. Я смотрел на её спину, на то, как волосы падают на плечи, и думал: сказать? Не сказать? Что я могу ей предложить? Книгу, которая убьёт мир? Оставшееся время, которое тает с каждой записанной страницей?

— Расскажи что-нибудь ещё, — попросил я, чтобы не молчать.

— Давай, ты, — ответила она, не оборачиваясь. — Я тебе вчера целую историю рассказала. Теперь твоя очередь.

— У меня нет таких, как у тебя, — признался я. — Мои истории — чужие. Я только записываю.

— А свои? — спросила она, и в голосе её вдруг пропала игривость. — У тебя совсем нет своей истории?

Я промолчал.

— Ну и ладно, — сказала она мягко. — Не хочешь — не рассказывай.

Мы дошли до ручья, и она присела на камень, подставив лицо влажному ветру. Я сел рядом, чувствуя, как вода шумит, перекатываясь по камням. Мы немного отдохнули и пошли дальше.

К полудню вышли к Рынку Рандор. Ксяюши быстро нашла своего знакомого торговца, и я стоял рядом, как велела, молча, наблюдая, как она торгуется. Её руки — маленькие, быстрые, с крепкими пальцами — ловко отсчитывали серебро. Она улыбалась, хмурилась, делала вид, что уходит, и в конце концов получила десять монет и мешок сушёных яблок.

Потом мы зашли в Карловку. Деревенские косились на меня, но к ней не лезли. Она шла по улице с видом хозяйки, которая знает, что её боятся и уважают. И в этом было что-то властное, притягательное.

Старуха Марта встретила нас у калитки, долго благодарила, сунула в руки Ксяюши большую банку мёда и покосилась на меня.

— Чужой? — спросила шепотом, но я услышал.

— Свой, — ответила Ксяоши коротко. — Не тронет.

Мы вышли из деревни, и я спросил:

— Почему ты сказала «свой»?

— А что мне было сказать? — пожала она плечами. — Что ты писатель, который собирает истории? Они бы нас закидали камнями.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что.

К вечеру мы вернулись домой. Бульбот встретил нас у порога с видом оскорблённого величия — мы ушли без него, и он дал это понять серией требовательных «мрр» и попыткой укусить меня за щиколотку.

— Мрряяя! Где еда? — орал он, бегая вокруг Ксяоши. — Ты опять ходила куда-то без меня, там наверняка была вкусная жабка, а я спал! Дай сушёного яблока, да побольше, не жалея!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.